ния с дательным они вошли в рамки парадигмы и некоторое время употреблялись как дублетные формы нормального дательного-местного на -e-/-i- и в дативной, и в локативной функциях.

Данные крито-микенских надписей проливают, по нашему мнению, свет на указанное Ж. Одри противоречие между финальным значением греческих инфинитивов на -*F*εν, -μεν и несомненно локативным происхождением их форм. Сам Одри, пытаясь объяснить это противоречие, высказывает предположение о синкопе дативного окончания -αι в суффиксе -μεναι [19]. Такая синкопа является, однако, объяснением ad hoc и не имеет никаких аналогий в истории греческого языка. Несостоятельность этого объяснения является очевидной еще и потому, что исконным окончанием и.-е. дативā должно теперь считаться *-ei (греч. -ει), а не *-ai (греч. -αι). Противоречие это, однако, снимается очень легко, если предположить, что в период появления инфинитивов формы местного с нулевой флексией употреблялись и в дативной функции. Тогда становится понятным финальное значение у локативных по происхождению форм. Эти формы, вытесненные впоследствии из именной парадигмы, сохранились в языке классического периода как инфинитивы и наречия. Такое явление — закрепление за вторичными формами вторичных функций — имеет надежные аналогии в истории различных языков [20].

Одним из наиболее ценных результатов исследования языка крито-микенских надписей для греческого и индоевропейского языкознания явилось обнаружение самостоятельного инструментального падежа, формально и функционально отличного от дательного-местного. В значениях этого падежа во множественном числе последовательно употреблялись формы на -a-pi-, -o и -pi (соответственно у основ на -ā-, тематических и атематических). Этим окончаниям соответствует серия -a-i, -o-i и -si, употребленных в функциях дательного-местного падежа мн. ч. Так как за -o во мн. ч. тематических основ могло скрываться лишь -ois $<$ *-ōis (исконное окончание инструментального падежа мн. ч.), то В. Мерлинген предложил рассматривать -o-i и -a-i в дательном-местном падеже мн. ч. тематических основ и основ на -ā- как окончания -oisi и -āsi, принявшие вследствие фонетического перехода s $>$ h вид -oihi и -āhi, где h не передавалось по правилам микенской графики [21].

Выделить особые формы творительного падежа в ед. ч. не удается из-за графических особенностей. Вместе с тем тот факт, что у атематических основ у форм, употребленных в значениях инструментального падежа ед. ч., не отмечается чередование -e/-i, может, по нашему мнению, свидетельствовать о наличии здесь особого окончания. Для засвидетельствованного на письме окончания -e М. Лежен предлагает интерпретацию -ē [22], а И. М. Тронский, исходя из соображений типологического характера, обосновывает более убедительное, на наш взгляд, толкование -ĕ [23]. Рудиментарные остатки инструментального падежа ед. ч. в языке классического периода дают возможность интерпретировать окончания инструментального падежа ед. ч. основ на -ā- и тематических как -ā и -ō. Во множественном числе окончанию -o = -ois у тематических основ соответствуют окончания -a-pi = -aphi и -pi = -phi у основ на -ā- и атематических, т. е. окончанием инструментального здесь служил суффикс -phi, включавший в себя греческий рефлекс и.-е. форманта -bh-.

Аргументация отдельных исследователей [24, 25], которые отрицают самостоятельный характер инструментального падежа в языке крито-микенских надписей, не представляется убедительной [26]. Решающее значение здесь имеют соображения синтаксического характера. Для микенского диалекта беспредложное употребление дательного-местного в локативной функции является нормой, равно как и беспредложное употребление форм с социативным значением. Эта черта противопоставляет язык крито-микенских надписей классическому древнегреческому языку. В языке Гомера беспредложное употребление датива в вышеуказанных